

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР/РОССИИ XX-XXI ВВ.

ISSUES OF ENVIRONMENTAL POLICY IN THE USSR/RUSSIA XX-XXI CC.

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.001

УДК 630:94(47+57)"1920/1930"

ББК 63.3(2)61-2

И.В. ЗЫКИН

**«ДИКОЕ ХИЩНИЧЕСТВО»
ИЛИ РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ:
ХОЗЯЙСТВЕННИКИ И ПЛАНОВИКИ
О ЛЕСНЫХ РЕСУРСАХ В 1930-Х ГГ.**

I.V. ZYKIN

**«WILD PREDATION» OR RATIONAL USE:
BUSINESS EXECUTIVES AND PLANNERS –
ABOUT FOREST RESOURCES IN THE 1930S**

Реформа лесного хозяйства и лесной промышленности в Советском Союзе на рубеже 1920–1930-х гг. обусловила усиление роли государства в лесопромышленной деятельности, формирование новой модели лесопользования. Целью статьи является анализ представлений хозяйственников и ученых в 1930-х гг. о лесных ресурсах и их использовании. Рассмотрены публикации хозяйственников, специалистов лесной отрасли, плановиков, в том числе в специализированных журналах «Лесная индустрия», «Плановое хозяйство». Их изучение позволило выявить поднимавшиеся в печати темы, возможности влияния на лесную политику партийно-государственных органов. Отмечено, что масштабные задачи пятилетних планов, мобилизационный характер директив партийно-государственных органов, передача в ведение промышленных народных комиссариатов значительных лесных площадей сформировали у хозяйственников представление о приоритете активизации заготовки древесины перед лесохозяйственными мероприятиями. Ученые выявляли отрицательные стороны сплошных рубок, неиспользования древесных отходов, низких темпов очистки лесосек и восстановления лесов. Во второй половине 1930-х гг. они сосредоточили усилия на изучении положительных и отрицательных сторон новой модели лесопользования, обосновании необходимости ее корректировки с целью смягчения негативных последствий экологического и экономического характера. Наиболее важным следствием этого стало установление в 1936 г. водоохранной зоны в Европейской части страны.

The reform of forestry and the forest industry in the Soviet Union at the turn of the 1920s and 1930s led to the strengthening of the role of the state in forestry activities and the formation of a new model of forest use. The purpose of the article is to analyze the ideas of business executives and scientists in the 1930s about forest resources and their use. The publications of business executives, specialists in the forest industry, planners, including in specialized journals: «Forest Industry», «Planned economy» are considered. Their study made it possible to identify the topics raised in the press, the possibilities of influencing the forest policy of party and state bodies. It was noted that the large-scale tasks of the five-year plans, the mobilization nature of the directives of the party and state bodies, the transfer of significant forest areas to the industrial people's commissariats formed an idea among business executives about the priority of activating timber

harvesting before forestry activities. Scientists have identified the negative sides of continuous logging, non-use of wood waste, low rates of logging and reforestation. In the second half of the 1930s, they focused their efforts on studying the positive and negative sides of the new model of forest management, justifying the need to adjust it in order to mitigate the negative consequences of an environmental and economic nature. The most important consequence of this was the establishment of a water protection zone in the European part of the country in 1936.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: первые пятилетки, лесные ресурсы, лесопользование, хозяйственники, ученые, исследования.

KEY WORDS: first five-year plans, forest resources, forest use, business executives, scientists, research.

ВВЕДЕНИЕ. Одним из ключевых направлений экономической политики большевиков, пришедших к власти в конце 1917 г., стала трансформация законодательства в области земле— и лесопользования. С экономической точки зрения это обуславливалось потребностями в древесине населения, транспорта и промышленности, крупным доходами от ее экспорта (с конца XIX в. до начала Первой мировой войны они имели место и в Российской империи). В первые годы лесная политика большевиков опиралась на достижения Российской империи, но лимитировалась значительным сокращением лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности вследствие революции и Гражданской войны, недостатком финансовых и материальных ресурсов, бесконтрольной по существу рубкой древесины промышленными и транспортными организациями, населением. Сосредоточение управления лесной промышленностью в ВСНХ РСФСР/СССР, затем, с 1932 г., — в Народном комиссариате лесной промышленности СССР являлось отражением общесоюзного тренда по формированию централизованной экономической системы. Это обусловило трансформацию представлений (в условиях устранения «оппозиции» и начала индустриализации) партийно-государственных деятелей, ученых о лесном хозяйстве и лесной промышленности. Создание органа государственной власти вокруг такого ценного в социальном, экологическом и экономическом отношениях ресурса, как лес (тем более в стране с наибольшими запасами древесины — по данным 1930-х гг.), являлось актуальной задачей.

Реформа лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. привела к усилению роли государства в лесопромышленной деятельности, формированию новой модели лесопользования. Отсюда завышенные плановые показатели и стремление хозяйственных ведомств достичь их любой ценой. Ключевыми векторами новой модели стали освоение лесных ресурсов в северных и восточных районах страны, распространение сплошных рубок, решение проблемы использования древесных отходов (то есть развитие механической обработки и глубокой переработки древесины). Другое дело, что лесное хозяйство оказалось во второстепенном положении по отношению к лесной промышленности, и многие аспекты специалистами отрасли, историками не изучались должным образом. Поскольку лесопромышленный комплекс Российской Федерации опирается во многом на советскую базу, концептуализация исторического опыта лесопользования становится актуальной задачей.

ЦЕЛЬ — анализ представлений советских хозяйственников и плановиков в 1930-х гг. о лесных ресурсах и их использовании.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Данное исследование относится к экологической истории — популярному направлению последних десятилетий. Хотя еще в советский период были предприняты попытки осмысления положительных и отрицательных сторон лесопользования [2; 9; 12; 18], заметное повышение интереса к этому произошло на рубеже XX–XXI вв., по мере выхода Российской Федерации из кризиса и в связи с разработкой нового Лесного кодекса [10; 15; 17; 23; 24]. Для многих работ характерно негативное восприятие советского опыта, вызванное его поверхностным рассмотрением и общественно-политическими настроениями.

ми в стране. Активизация исследований экологических последствий лесопромышленной деятельности, в том числе учеными-историками, пришлось на конец 2000-х — 2010-е гг. [4; 5; 13; 16; 21; 22; 25].

Новая модель лесопользования, несмотря на многие противоречия между Народным комиссариатом земледелия и ВСНХ, критику учений ряда лесоводов, не отвергла полностью достижения лесной науки. Напротив, власти через несколько лет после реформы стимулировали увеличение объемов лесохозяйственных мероприятий (исследование, восстановление лесов, мелиорация, создание защитных насаждений), хотя отчасти в упрощенном виде из-за нехватки ресурсов. С другой стороны, хозяйственные организации порой не имели возможности следовать новым принципам лесопользования в силу разнообразных физико-географических условий произрастания лесов.

Одним из способов осмысления исторического опыта лесопользования является исследование представлений современников (хозяйственников, ученых) о состоянии лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности в Советском Союзе в годы первых пятилеток. Анализ их публикаций (в том числе в специальных журналах: «Плановое хозяйство», «Лесная индустрия») позволит выявить поднимавшиеся в печати темы, возможности влияния на лесную политику партийно-государственных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В основе представлений хозяйственников о развитии лесопользования лежало противоречие между опытом Российской империи, стран Европы и Северной Америки и слабо контролируемой заготовкой и вывозкой древесины в годы революции и Гражданской войны. Масштабные задачи пятилетних планов, мобилизационный характер директив партийно-государственных органов, передача в ведение хозяйственных ведомств значительных лесных площадей сформировали приоритет активизации заготовки древесины перед лесохозяйственными мероприятиями.

Г.Г. Гербек, один из специалистов ВСНХ СССР, затем уполномоченный Наркомлеса по Дальневосточному краю, побывавший в заграничной командировке, весьма своеобразно трактовал эксплуатацию лесных массивов в США, связывая ее с сельскохозяйственным и промышленным освоением западных территорий и формированием капиталов. Эту же модель — «усиленная эксплуатация лесов, значительные перерубы, даже временное уничтожение целых лесных массивов» для активного развития экономики (в противовес немецкой системе лесопользования) — он предлагал осуществить в Советского Союза. Своего рода «заем у потомства» возвращался после построения социализма крупными вложениями в лесное хозяйство и искусственное лесовозобновление [7, с. 9–10]. Как хозяйственный деятель Г.Г. Гербек рассматривал лесную промышленность в качестве одного из источников средств для индустриализации, но его утверждение о незначительных вложениях в сферу заготовки древесины, то есть признание того, что можно удовлетвориться традиционными способами лесозаготовки (с привлечением крестьян), представляется противоречивым, особенно для конца первой пятилетки. Аналогичные настроения выражал и народный комиссар лесной промышленности СССР в 1932–1936 гг. С.С. Лобов, напрямую заинтересованный в выполнении отрасли планов любой ценой.

Интерес представляет статья лесного специалиста И. Красовского о проблемах и перспективах лесного хозяйства Белорусской ССР, многие положения которой можно распространить также на всю страну. Суть позиции ученого заключалась в том, что во имя интересов страны в периоды войны, восстановления экономики, индустриализации можно было позволить усиленные отводы лесных площадей в рубку и в этом случае «не следует вздыхать о «гибели» лесного хозяйства, о перерубах, о нарушениях правил ведения лесного хозяйства». Но в другие периоды (и вторая пятилетка являлась как раз таким этапом) требовалось прекратить хищническую эксплуатацию и способствовать повышению производительности лесов, их восстановлению и уходу за ними. В условиях Белоруссии, где большое значение имело дубово-ясеневое хозяйство, это было особенно актуально

и требовало применения выборочных, постепенных рубок, поскольку проводившиеся ранее сплошные концентрированные рубки имели драматичные последствия для этих пород. И. Красовский отмечал «нерациональность и небрежность» подхода к лесопользованию, заключавшегося в неиспользовании древесных отходов; низких темпах и качестве мероприятий по возобновлению, охране и очистке лесов; негативном отношении ряда специалистов, руководителей предприятий, треста к механизации производственных процессов, строительству рационализированных путей, результатам научных исследований в области лесного хозяйства и лесной промышленности.

И. Красовский указывал на несоответствие объемов вложений в лесное хозяйство и реальных потребностей в них, уровня компетентности лесоводов республики и качества лесохозяйственных работ, но призывал не обвинять во «вредительстве» всех специалистов, иначе ставились под сомнения достижения Советской власти в отрасли. Автор прекрасно осознавал значимость лесного хозяйства даже в условиях централизованной экономической системы, отметив, что игнорирование результатов научных исследований, хода искусственного возобновления лесов приведет к ошибкам, которые «сказываются не скоро и в большинстве случаев непоправимы» [11, с. 28-30].

Смена подходов в лесопользовании самым негативным образом сказалась на массивах вновь осваивавшихся регионов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока (см., напр.: [16, с. 449]). В начале 1930-х гг. на Первой конференции по технической реконструкции лесной промышленности во второй пятилетке обращалось внимание на смену одних пород другими на вырубленных лесных площадях, что ставило под угрозу перспективы снабжения предприятий конкретной территории, и необходимость разработки методов лесовозобновления, позволявших воздействовать на состав будущих насаждений [14, с. 9]. Отрицательными явлениями концентрированных рубок в сосновых борах являлись задернелость почв, мощность лесной подстилки и последующая смена пород при естественном лесовозобновлении (дополнительные мероприятия по возобновлению требовались и при сплошных узкополосных рубках). Опыты Московского филиала Центрального научно-исследовательского института лесоводства в Северном крае выявили, что увеличению возобновления сосны способствуют очистка лесосек от порубочных остатков (в первую очередь, сбор в кучи с последующим сжиганием) и оставление устойчивых семенников [3].

В регионах Европейской части страны, где заготавливалась основная часть древесины, объем насаждений не позволял в первой половине XX в. усиленно эксплуатировать лесные массивы. Однако реализация политики размещения производственных мощностей лесопромышленного комплекса на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, требовавшая больших финансовых, материальных и трудовых ресурсов, осуществлялась недостаточными темпами. Специалист отрасли Б.Д. Готовицкий отмечал, что руководители многих леспромхозов в начале 1930-х гг. имели слабое представление о состоянии лесных массивов, которые они осваивали, совершали грубые ошибки в расчетах объема годичных лесосек, следствием чего становились их перерубы. Из-за этого, к примеру, в Марийской области в некоторых лесных дачах в 1931 г. рубили «лесосеку 1956 г.» [8, с. 34, 36].

Главной душевной болью К.И. Альбрехта (настоящее имя Карл Маттхойз Лёв), немецкого коммуниста, переехавшего в 1924 г. в СССР и сделавшего карьеру от рядового лесного инженера до заместителя руководителя Главлеспрома ВСНХ СССР, члена Центральной контрольной комиссии — Рабоче-крестьянской инспекции (в 1933 г. был арестован, обвинен в шпионаже, но в апреле 1934 г. выслан в Германию), было оставление на лесосеках большого объема древесных отходов и стволов, не находивших применения. Он считал леса Советского Союза «огромным национальным богатством», а методы лесопользования называл «диким хищничеством», «безудержным грабежом», «хозяйственным самоубийством». По его подсчетам, объем вырубленного леса в 1931 г., превысил 500 млн м³ (при официальной цифре в 250 млн), из которых почти половину составляли потери. А это означало уничтожение лесов

на площади более 1,5 млн га. По сравнению с лесопользованием в Финляндии, Германии, где имелось соответственно только 9 млн и 12 млн га лесов, такое хозяйствование было крайне расточительным. Вклад в уничтожение лесов в Советском Союзе вносили также пожары, а лесохозяйственные мероприятия проводились в малых объемах. Возникал дефицит доступных для эксплуатации массивов, что негативно отражалось на производительности лесопромышленных предприятий. Одним из следствий этого стало повышение удельного веса Сибири и Дальнего Востока в лесопользовании, где имелись доступные крупные массивы, что, однако, при перевозке сырья в Европейскую часть страны вело к росту транспортных издержек. Волновали К.И. Альбрехта и экологические последствия значительных объемов лесопользования: скопление в реках затонувшей древесины, снижение плодородия полей и лугов, природные катастрофы [1, с. 356-360, 364].

Позиция плановиков была более взвешенной, предполагая критику хозяйственников за ошибки в лесопромышленной и лесохозяйственной деятельности. Их оценки — предостережение от непродуманных мероприятий, зачастую носивших мобилизационный характер.

Интерес представляет статья И. Гайнера. Он один из немногих, кто поднял в ведущем экономическом журнале «Плановое хозяйство» проблемы отрасли, о которых официально мало что говорилось. К примеру, в связи с тем, что лесосеки по берегам средних и крупных сплавных рек были истощены рубками, лесозаготовительные организации стали осваивать мелкие лесосеки, тяготевшие к первичным сплавным путям. В совокупности с трудностями доставки туда рабочей и гужевой силы, техники и продовольствия, не говоря уже о проведении рационализации и механизации работ, сплав по мелким рекам привел к крупным потерям древесины — 5–6 млн м³ только в 1934 г. (в бассейнах р. Северная Двина, Вычегда, Кама, Вятка и других). Начались заготовки в уже пройденных рубками лесосеках, из-за чего качество поступающей на лесопильные заводы древесины снижалось.

Принципиальным являлось замечание И. Гайнера о негативных последствиях сплошных рубок на первичных сплавных путях и в верховьях рек (быстрый спад весенних вод и изменение режима крупных рек) [6, с. 68–69]. Публикация подобных фактов в середине 1930-х гг., после масштабных реформ лесного хозяйства и лесной промышленности, да еще и применительно к основным лесным районам, где сплошные рубки являлись залогом выполнения плановых заданий в сфере заготовки древесины, дорогого стоит. И эти проблемы проявили себя уже после нескольких лет активной лесозаготовки. И. Гайнер считал целесообразным перестроить лесосечный фонд: на крупных реках углубляться в лесные массивы, на близких расстояниях вывозки рубить мелкотоварный лес, а недостающий пиловочник получать посредством выборочных рубок на дальних расстояниях вывозки. Такой подход к лесозаготовке давал возможность смягчить (вряд ли — устранить, как считал автор статьи) экономические и экологические проблемы.

В середине 1930-х гг. встречаются также публикации о заболачивании в Северном крае, где велись масштабные лесозаготовки, почв, мелких рек сухостоем, порубочными отбросами, поваленными ветром деревьями [19, с. 227]. Это ставило во главу угла вопросы использования древесных отходов и организации борьбы с заболачиванием — притом в рамках всего региона. Н. Рослов и С. Пругавин, подготовившие обстоятельную статью о проблемах развития лесной промышленности в Северной области (образована в результате разукрупнения Северного края в 1936 г.), отметили крайне неприятный для советской модели лесопользования момент — преобладание выборочных рубок (более 60% площади рубок по тресту «Севлес») в связи востребованностью в первую очередь пиловочной и шпальной древесины [20, с. 102]. Получалось, что с конца 1920-х — начала 1930-х гг. плановики, экономисты, хозяйственники, поддержанные партийно-государственным руководством, выступали за распространение сплошных рубок на больших площадях, внутриотраслевое комбинирование в целях обеспечения наибольшей в тех условиях рентабельности лесопромышленной деятельности, а на деле даже спустя 5–7 лет в Северной области сохранили

значение выборочные рубки. За две пятилетки поставленные цели не были достигнуты. Еловая и дровяная древесина оставалась невостребованной вследствие сильного развития лесопильной отрасли, ориентированной в первую очередь на выпуск экспортной продукции.

ВЫВОДЫ. Многие проблемы лесопользования возникли еще в дореволюционный период, но после реформы лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. они усложнились из-за увеличения объемов заготовки и вывозки древесины, сосредоточения лесохозяйственных и лесопромышленных функций в руках промышленных народных комиссариатов, отмены попенной платы, распространения сплошных рубок, уменьшения оборота рубки древесины. Хозяйственники выражали готовность принести в жертву насаждения ради достижения целей индустриализации, оперируя преимущественно кратковременными и среднесрочными проектами. Это могло привести в ближайшей перспективе к неблагоприятным экологическим и экономическим последствиям. Откладывание лесохозяйственных мероприятий было нецелесообразным, и ученые внесли крупный вклад в освещение проблем лесопользования.

В первые годы после реформы отмечались отрицательные стороны сплошных рубок, неиспользования древесных отходов, низких темпов очистки лесосек и восстановления лесов. Далее ученые сосредоточили свои усилия на выявлении положительных и отрицательных сторон новой модели лесопользования, обосновании необходимости ее корректировки с целью смягчения негативных последствий экологического и экономического характера — притом в долгосрочной перспективе (хотя оборот рубки оставался низким — из расчета сроков действия предприятий, как правило, на 20–40 лет).

Специалисты лесной промышленности и других отраслей стали также высказываться о потребности в смене подходов в лесопользовании. К примеру, экспедиция в составе специалистов народных комиссариатов лесной промышленности, внутренних дел, черной металлургии, путей сообщения, работавшая на Урале в конце 1930-х гг., пришла к выводу о необходимости «решительного изменения существующей структуры управления лесами и системы лесопользования». Рационального лесопользования невозможно было добиться только реконструкцией предприятий, механизацией, упорядочением заготовки и вывозки древесины, снабжением потребителей лесными ресурсами и материалами [12, с. 212].

Деятельность ученых способствовала реализации государством ряда мероприятий, которые отчасти компенсировали отсутствие теоретической базы новой модели лесопользования. В 1936 г. в ответ на ухудшение водного режима волжского бассейна вследствие возросших объемов заготовки древесины по берегам сплавных рек была установлена водоохранная зона. Напротив, введение в том же году попенной платы носило декоративный характер, поскольку бюджетные ассигнования Наркомлесу сокращались в размере суммы лесного дохода. В условиях милитаризации экономики страны реализовать предложения ученых в полном объеме оказалось нереально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство? Глава из книги «Преданный социализм» // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Независимые исторические исследования. Вып. 1 / под ред. В. Суворова и Д. Хмельницкого. М.: Добрая книга, 2012. С. 337–395.
2. Бабкина К.Я. Борьба коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 17 с.
3. Беневоленский М., Власов Е. К вопросу о лесовозобновлении на площадях концентрированной рубки // Лесная промышленность. 1933, 9 января. С. 3.
4. Воейков Е.В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486.

5. Воейков Е.В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 145–153.
6. Гайнер И. Задачи лесной промышленности в 1935 г. // Плановое хозяйство. 1935. № 2. С. 61–75.
7. Гербек Г.Г. Лесная промышленность С.-А. С. Ш. М.; Л.: Государственное научно-техническое изд-во, 1931. 151 с.
8. Готовицкий Б.Д. За упорядочение учета лесосечного фонда в леспромхозах // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 33–39.
9. Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992. 256 с.
10. Корчемкина Е.Е., Малышева Е.М. Деятельность органов власти Адыгеи по реорганизации управления лесным хозяйством в 20–40-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2012. № 2. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1749/malysheva2012_2.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
11. Красовский И. Пути развития лесного хозяйства СССР // Лесная индустрия. 1934. № 3. С. 28–31.
12. Леса Урала / под ред. М.Е. Ткаченко. Свердловск: Изд-во Уральского филиала Академии наук СССР, 1948. 231 с.
13. Макеева Е.Д. Исторические истоки современных экологических проблем Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 93–99.
14. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа во второй пятилетке в области лесоводства (тезисы к докладу т. Покалюк). М.: Государственное лесное техническое изд-во, 1932. 13 с.
15. Моисеев Н.А. Лесное хозяйство России за 100 лет // Аналитический ежегодник «Россия в окружающем мире: 2001». М.: МНЭПУ, 2001. С. 80–99.
16. Пашков К.И. Некоторые особенности лесоустройства и лесопользования в Байкальском регионе в 1930–1950 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. С. 446–454.
17. Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования — к управлению. М.: Юриспруденция, 2004. 552 с.
18. Полуйко И.З. К вопросам лесопользования в лесах Севера // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1949. № 3. С. 3–22.
19. Посвянский С. «Хозяйство Севера» // Плановое хозяйство. 1935. № 10. С. 226–231.
20. Пругавин С., Рослов Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 97–107.
21. Соколов В.В. Очерки эколого-климатической истории России. Монография. СПб.: РГГМУ, 2010. 309 с.
22. Цинцадзе Н.С. Государство, общество и природа в России конца XIX — первой трети XX века: танго втроем. СПб.: Алетейя, 2019. 570 с.
23. Шварц Е.А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2. С. 2–7.
24. Шегельман И.Р., Кулагин О.И. Трансформация системы управления лесопользованием СССР в начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). В 4-х ч. Ч. II. С. 206–209.
25. Josephson P., Dronin N., Cherp A., Mnatsakanian R., Efremenko D., Larin V. An Environmental History of Russia. New York: Cambridge University press, 2013. VIII. 340 p.

REFERENCES

1. Al'brekht K. *Razve eto socialisticheskoe stroitel'stvo? Glava iz knigi «Predannyj socializm»* [Is this socialist construction? Chapter from the book «Devoted Socialism»] // *Voенно-istoricheskij al'manah Viktora Suvorova. Nezavisimye istoricheskie issledovaniya*. Vyp. 1 / pod red. V. Suvorova i D. Hmel'nickogo. M.: Dobraya kniga, 2012. S. 337–395. (In Russian).

2. Babkina K. Ja. *Bor'ba kommunisticheskoj partii za vypolnenie pervoj pjatiletki v oblasti lesnoj promyshlennosti* [The struggle of the Communist Party for the implementation of the first five-year plan in the field of forest industry]: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Leningrad, 1955. 17 s. (In Russian).
3. Benevolenskij M., Vlasov E. *K voprosu o lesovozobnovlenii na ploshhadjah koncentrirovannoj rubki* [On the issue of reforestation in areas of concentrated logging] // *Lesnaja promyshlennost'*. 1933, 9 janvarja. S. 3. (In Russian).
4. Voejkov E.V. *Dejatel'nost' Saratovskogo upravlenija lesoshrany i lesonasazhdenij i sostojanie lesnogo fonda Saratovskoj oblasti v predvoennye gody* [The activities of the Saratov Department of Forest Protection and Plantations and the state of the forest fund of the Saratov oblast in the pre-war years] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye odnoshenija*. 2016. T. 16, vyp. 4. S. 481–486. (In Russian).
5. Voejkov E.V. *Jekologicheskie problemy Srednego Povolzh'ja v gody pervyh pjatiletok (na primere sostojanija lesov regiona)* [Environmental problems of the Middle Volga region in the years of the first five-year plans (on the example of the state of the region's forests)] // *Otechestvennaja istorija*. 2007. № . 5. S. 145–153. (In Russian)
6. Gajner I. *Zadachi lesnoj promyshlennosti v 1935 g.* [The tasks of the forest industry in 1935] // *Planovoe hozjajstvo*. 1935. № . 2. S. 61–75. (In Russian).
7. Gerbek G.G. *Lesnaja promyshlennost' S.-A. S. Sh.* [The forestry industry of the United States]. M., L.: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izd-vo, 1931. 151 s. (In Russian).
8. Gotovickij B.D. *Za uporyadochenie ucheta lesosechnogo fonda v lespromhozah* [For streamlining the accounting of the logging fund in forestry enterprises] // *Lesnaja industrija*. 1934. № . 2. S. 33–39. (In Russian).
9. Koldanov V. Ja. *Očerki istorii sovetskogo lesnogo hozjajstva* [Essays on the history of Soviet forestry]. M.: Jekologija, 1992. 256 s. (In Russian).
10. Korchemkina E.E., Malysheva E.M. *Dejatel'nost' organov vlasti Adygei po reorganizacii upravlenija lesnym hozjajstvom v 20–40-e gg. XX v.* [The activities of the authorities of Adygea on the reorganization of forestry management in the 20–40s of the XX century] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija»*. 2012. № . 2. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1749/malysheva2012_2.pdf (data obrashhenija: 13.09.2024) (In Russian).
11. Krasovskij I. *Puti razvitija lesnogo hozjajstva SSSR* [Ways of development of forestry in the USSR] // *Lesnaja industrija*. 1934. № . 3. S. 28–31. (In Russian)
12. *Lesy Urala* [Forests of the Urals] / pod red. M.E. Tkachenko. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo filiala Akademii nauk SSSR, 1948. 231 s. (In Russian).
13. Makeeva E.D. *Istoricheskie istoki sovremennyh jekologicheskikh problem Srednego Povolzh'ja* [Historical origins of modern environmental problems of the Middle Volga region] // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2016. T. 18, № 6. S. 93–99. (In Russian).
14. *Materialy k I vsesojuznoj konferencii po tehničeskoj rekonstrukcii lesnoj promyshlennosti vo vtorom pjatiletii (1933–1937). Nauchno-issledovatel'skaja rabota vo vtoroj pjatiletke v oblasti lesovodstva (tezisy k dokladu t. Pokaljuk)* [Materials for the First All-Union Conference on the technical reconstruction of the forest industry in the second five years (1933–1937). Research work in the second five-year plan in the field of forestry (abstracts to the Pokalyuk report)]. Moscow: Gosudarstvennoe lesnoe tehničeskoe izd-vo, 1932. 13 s. (In Russian).
15. Moiseev N.A. *Lesnoe hozjajstvo Rossii za 100 let* [Forestry in Russia for 100 years] // *Analiticheskij ezhegodnik «Rossija v okružhajushhem mire: 2001»*. M.: MNJePU, 2001. S. 80–99. (In Russian).
16. Pashkov K.I. *Nekotorye osobennosti lesoustrojstva i lesopol'zovanija v Bajkal'skom regione v 1930–1950 gg.* [Some features of forest management and forest use in the Baikal region in 1930–1950] // *Irkutskij istoriko-jekonomičeskij ezhegodnik*. 2014. S. 446–454. (In Russian).
17. Pisarenko A.I., Strahov V.V. *Lesnoe hozjajstvo Rossii: ot pol'zovanija — k upravleniju* M.: Jurisprudencija, 2004. 552 s. (In Russian).

18. Polujko I.Z. *K voprosam lesopol'zovanija v lesah Severa* [On the issues of forest use in the forests of the North] // *Izvestija Karelo-finskogo filiala Akademii nauk SSSR*. 1949. № . 3. S. 3–22. (In Russian)
19. Posvjanskij S. «*Hozjajstvo Severa*» [«Economy of the North»] // *Planovaja jekonomika*. 1935. № . 10. S. 226–231. (In Russian).
20. Prugavin S., Roslov N. *Osnovnye problemy razvitija lesnoj promyshlennosti Severnoj oblasti* [The main problems of the development of the forest industry in the Northern oblast] // *Planovaja jekonomika*. 1936. № . 12. S. 97–107. (In Russian).
21. Sokolov V.V. *Očerki jekologo-klimaticheskoj istorii Rossii. Monografija* [Essays on the ecological and climatic history of Russia. Monograph]. SPb.: RGGMU, 2010. 309 s. (In Russian).
22. Cincadze N.S. *Gosudarstvo, obshhestvo i priroda v Rossii konca XIX — pervoj treti XX veka: tango vtroem* [The state, society and nature in Russia at the end of the XIX — first third of the XX century: tango threesome]. SPb.: Aletejja, 2019. 570 s. (In Russian).
23. Shvarc E.A. *Lesnoe hozjajstvo, jekonomicheskoe razvitie i bioraznoobrazie: otkazat'sja ot mifov proshlogo* [Forestry, economic development and biodiversity: to abandon the myths of the past] // *Ustojchivoe lesopol'zovanie*. 2003. № . 2. S. 2–7. (In Russian).
24. Shegel'man I.R., Kulagin O.I. *Transformacija sistemy upravlenija lesopol'zovaniem SSSR v nachale 1930-h gg.* [Transformation of the USSR forest management system in the early 1930s] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14). V 4-h ch. Ch. II I. S. 206–209. (In Russian).
25. Josephson P., Dronin N., Cherp A., Mnatsakanian R., Efremenko D., Larin V. *An Environmental History of Russia*. New York: Cambridge University press, 2013. VIII, 340 p. (In English).